

— Да он же обычный смертный! Ну оставил его Владыка Горы и оставил, но к чему такое благоволение?

— А его крыса и овца? Слов нет.

— Потихе ты, не дай бог разбудишь.

— Разбужу — и что? Подумаешь, смертный.

— А если он захочет вернуться в мир людей? Год уже тут прозябает, душа небось тонкая да ранимая. Сбежит из-за твоих языков — Владыка с тебя голову снимет.

— Всё равно не понимаю!

— Не понимаешь — молчи и терпи. Сам знаешь, как трудно найти кого-то с такой внешностью и без духовного корня. У Владыки на него большие планы, нам нельзя всё испортить.

— К тому же он тут не первый и не последний. И где они теперь? Никого больше не видели.

— Да и барана этого уже год откармливают... Самое время пустить под нож.

Шёпот в чертоге постепенно затих. Послышался скрип закрывающейся двери. Цзян Фэй разомкнул веки — взгляд его был абсолютно ясным.

Каждое сказанное слово он слышал отчётливо, от первой до последней буквы.

"Уже год? Надо же, как быстро пролетело время в этой тоске".

Цзян Фэй поправил волосы. Они заметно отросли, а он до сих пор не умел делать ничего сложнее обычного узла.

Подросший ягнёнок уткнулся лбом ему в колени. Погладив его, Цзян Фэй тихо проговорил:

— Не бойся, Паньцзяо. Я с тобой.

"Откормленный баран" — это ведь не обязательно про тебя.

Звери Цзян Фэя — что этот барашек, что крыса — для местных считались простыми тварями, но на деле обладали куда большим умом и чутьём, чем все взлелеянные духовные звери Священной горы.

Паньцзяо ещё потихоньку поскуливал, но от ласки хозяина быстро успокоился.

— В крайнем случае, — добавил Цзян Фэй, аккуратно потрогав маленький рог ягнёнка, — нас просто сварят в одном котле.

— Будем единым целым.

— Кстати, ты какие приправы предпочитаешь? Мне кажется, к баранине обязательно нужна зира.

— Бе-е-е! — Паньцзяо уткнулся лбом ему в живот и принялся бодаться.

Ну вот как человек может быть ещё шизанутее, чем баран?

Причёска Цзян Фэя окончательно растрепалась.

Впрочем, лицо его оставалось безупречным. Хоть ему исполнилось всего пятнадцать, изящество черт и статность фигуры уже проступали вовсю. Даже с растрёпанной шевелюрой и в грошовых обносках он давал сто очков вперёд местным "небожителям", выглядя куда более возвышенно, чем весь этот пэнлайский сброд.

Даже возвышеннее самого Владыки Горы.

С момента его появления на Пэнлай произошло сразу несколько радостных событий. На радостях Владыка Горы однажды без обиняков заявил, что с приходом юноши жизнь на горе заметно наладилась.

Цзян Фэй, правда, так и не понял, что именно наладилось.

Возможно, именно поэтому к нему, простому истопнику у алхимической печи, Владыка всегда относился благосклонно и щедро одаривал.

За весь этот год главная пакость, которую позволяли себе адепты, заключалась в шипении за спиной: мол, никчёмный заморыш без духовных корней.

Впрочем, чья бы то ни была симпатия не трогала Цзян Фэя — сильнее всех на свете он любил самого себя.

Достав из кармана маленькое зеркальце, он с чувством вздохнул:

— До чего же я обожаю... своё лицо.

Неужели он действительно настолько самовлюблённый?

Цзян Фэй не стал забивать себе голову лишними раздумьями. В конце концов, он обычный поверхностный человек, судящий обо всём по одежке и лицу.

Ушу шустро взобрался ему на плечо, сжимая в лапках семечку. В его бусинках-глазах читалась искренняя тревога.

— Эта священная гора Пэнлай — паршивое место. Ох, паршивое...

По натуре Цзян Фэй был ленив, а работы у смертного без духовного корня на Священной горе Пэнлай хватало с избытком.

Он без конца твердил себе, как тут скучно и бессмысленно, но сам продолжал упорно искать свой шанс.

Ходил на лекции аскетов — и древние священные тексты, казавшиеся прочим непостижимой тайной, давались ему с лёту. Ел хваленые пилюли бессмертия — и от них лишь приятно прояснялось в голове.

Наблюдая, как "небожители" снуют в небесах, Цзян Фэй и вовсе набросал на бумаге кучу непонятных знаков.

Кто-то, заметив его исписанные листы, поинтересовался:

— Это ещё что?

— Формулы, — ответил Цзян Фэй.

А какие именно формулы... В голове всплывал лишь смутный образ законов естествознания, а детали рассеивались.

Даосы ничего не поняли и решили, будто смертный просто пытался зафиксировать ухваченные обрывки высшей мудрости.

Но как бы легко Цзян Фэй ни схватывал суть, духовная судьба обходила его стороной.

Проще говоря, "духовная судьба" — это наличие духовного корня. У него корня не было: ни впитать духовную цзи, ни обучиться чародейству, ни обрести великое могущество.

Унывал ли он?

Да ни капли.

В памяти то и дело всплывала одна и та же мысль: "Ты — обычный человек".

Обычному человеку суждено рождаться, стареть, болеть и умирать. Вознестись на небеса ему не грозит.

За этот год Пэнлай покидала не одна партия отчаявшихся смертных, отправляясь обратно в мирскую юдоль. Но Цзян Фэй оставался.

Он и сам не знал, ради чего упорствует, но чувствовал: так надо.

Давно не подававший о себе вестей Крайний Восток снова появился перед Цзян Фэем.

Обладая небесным духовным корнем, он в первый же день стал личным учеником Владыки Горы. Старые товарищи расстались, ступив на совершенно разные дороги.

На Крайнем Востоке красовалось вышитое одеяние личного ученика. Он и без того отличался яркой внешностью, а уж своей святой обязанностью считал лоск: кричащее пурпурное деяние и продуманная до кончиков ногтей отделка делали его образ поистине царственным.

За год он, казалось, полностью смыл с себя мирскую пыль и стал точь-в-точь как с картины.

Вот только этот любимец судьбы, вставая рядом с Цзян Фэем в его грубой холщовой рубахе, всё равно мгновенно мерк.

— Брат мой, ей-богу, я вовсе не собирался отречься от нашей дружбы! — с ходу заявил Крайний Восток. — Этот проклятый старый старец подsunул мне какую-то пиллюлю, я сел в медитацию — и бац, уже год пролетел!

Для практики нет счёта дням.

— Это Владыка Горы, — поправил его Цзян Фэй.

Не стоит хамить кому попало.

Крайний Восток фыркнул и пригнулся к его уху:

— Да брось ты! Говорю тебе, у этого деда взгляд какой-то мутный. Задницей чую: задумывает недоброе.

Крамольные речи, ничего не скажешь.

Цзян Фэй приложил палец к губам, призывая к молчанию. На горе повсюду чары, так что святотатствовать вслух — верный путь к неприятностям.

— Всё такой же осторожный, — вздохнул Крайний Восток. На душе у него действительно было беспокойно, а чутьё с самого детства его никогда не подводило.

Притянув его ладонь, Цзян Фэй аккуратно вывел пальцем: *У Владыки Горы — небесный духовный корень Металла. И у тебя — тоже*.

На Священной горе Пэнлай хватало гениев, но Цзян Фэй за целый год ни разу не слышал, чтобы хоть один местный патриарх обладал этим редчайшим корнем.

Прожив тут год, он понимал это место куда лучше Крайнего Востока. Сверхъестественный путь... ха, в конечном счёте это была лишь попытка выжить в людоедском мире.

Цзян Фэй снова взял его за руку и медленно вывел: *Будь осторожен во всём*.

И слово за словом нацарапал на его ладони всё, что успел разузнать.

— Ладно, хрен с ними, с моими делами, — пробормотал Крайний Восток. На душе у него стало заметно легче.

Оба они пришли из мира смертных, без роду и племени. Ему банально не с кем было поделиться сомнениями.

И как же повезло, что Цзян Фэй — человек, всей душой стремящийся к пути бессмертия, — не поднял его на смех, а поверил.

Впрочем, Крайний Восток пришёл сюда не только сопли мотать.

— Не дрейфь, — сказал он. — Я перед приходом разузнал кое-что. Скоро откроется Иллюзорное Царство Бессмертной Судьбы. Это твой шанс!

Цзян Фэй о таком месте слышал впервые.

— Сведения строжайше засекречены, я сам ухватил только край уха, — продолжил Крайний Восток и принялся излагать:

Иллюзорное Царство Бессмертной Судьбы — это особый закрытый мир, куда допускаются исключительно смертные. Пройдя через испытание сном, избранные получают свыше шанс и ступают на Великий Путь.

— Там дают духовный корень? — уточнил Цзян Фэй.

Крайний Восток качнул головой:

— Не знаю точно. Говорят, там можно снискать Великое Созидание, но в чём оно заключается — толком никто не ведаёт.

Он сделал паузу и вдруг ухмыльнулся:

— Зато известно одно: местная удача равнодушна к симпатичным смертным. Чем ты краше — тем щедрее кусок.

Он со смешком приподнял подбородок Цзян Фэя сложенным веером:

— А у моего лучшего друга — внешность, равной которой нет под луной.

В утробу Сечжи угодили восемнадцать студентов Академии духовной энергии: один А-ранга, четверо В-ранга, один уже пробудившийся последователь и двенадцать С-ранга. По сути, эти пока ещё неопытные юноши и девушки были будущим основанием Центрального Континента.

Цзянь Юньмань и Цзогу не находили себе места от тревоги.

Яростный Сечжи Первая Линия был скручен ими в гигантский металлический шар. Цзянь Юньмань взмахнула рукой, и шар из вагонов метро взмыл прямо в небо.

Цзогу принялся трясти этот состав цепями вверх тормашками, но кроме груды ржавого лома аномалия ничего не исторгла — ни единого студента.

Опустившись рядом, Линьхуа — как образованное аномальное существо — быстро отстучал на приборе несколько слов. Синтезатор речи тут же перевёл их:

— За Цзян Фэя можете не переживать.

Это было единственное, за что Линьхуа мог поручиться.

Что же до остальных студентов... тут оставалось надеяться лишь на удачу.

Цзянь Юньмань закинула голову к небу:

— Дело дрянь.

Бесконечный состав метро беззвучно парил в вышине. Души, чьи стонающие лики всегда искажала ярость, вдруг зажмурились, словно обретя долгожданный покой.

— Оно эволюционирует, — резюмировала Цзянь Юньмань.

Здесь вот-вот должна была родиться третья аномалия S-ранга.

В аномальном пространстве вовсю сцеплялись Владыка Звёзд и Рёвущий Кролик-Драконоед. Линьхуа предпочёл бочком сдаться назад и притиснулся к змейке.

Ариэкс радостно вилял хвостом, точно пёс, встретивший хозяина после долгой разлуки.

А ведь когда он впервые снова увидел Фу Сяо, в нём не осталось ничего, кроме ужаса перед Гвоздями Алого Ослабления Духов, въевшимися в самую сущность.

Для змейки это был добрый знак.

"Преподобный, как думаете... пройдёт он путь ягнёнка?" — спросил Линьхуа, хотя и не рассчитывал на ответ.

"Пройдёт или нет — какая разница?"

"Линьхуа, ты слишком долго пробыл аномалией. Неужто забыл, зачем создавались эти пути?"

Фу Сяо так и не явился во плоти.

Линьхуа тяжело вздохнул:

"Я ничего не забыл. Из нас двенадцати, считай, только я в живых и остался. Мне нельзя забывать".

Тот, кого они ждали целую тысячу лет, должен выдержать будущие катастрофы. А для этого он обязан обладать стальной волей и непреклонным духом.

Ему предстоит одолеть Пещеру Алчности Ушу. На этом пути от него потребуются храбрость воина, стойкость победителя и умение укротить человеческую жадность.

Ему предстоит преодолеть и Путь Аксиомы Паньцзяо: стать справедливым, сострадательным — словом, не превратиться в подлеца, несущего миру гибель.

Жаль только, что извилисты тропы ягнёнка, и даже Линьхуа не ведал, каков из себя этот Путь Аксиомы.

Впрочем, неважно. Они ждали его слишком долго, и другого шанса у них всё равно нет.

Пройдёт Цзян Фэй испытание или нет — не имеет значения. Согласно заложенной программе, этот путь сам выкует из него того, кто им нужен.

До чего же гениален был их древний замысел: даже обратившись в монстров, они всё равно вылепят нового спасителя человечества!

Вот только все эти грандиозные планы рассыпались в прах перед главным фактором: пока они ждали, Фу Сяо не сдержал тьму и переродился в Нечисть.

Пасть мог кто угодно. Но когда пал сам Фу Сяо, Линьхуа понял: надежды больше нет.

Ведь тот, кого небеса одарили щедрее всех, единственный, на кого возлагался спасительный упор, превратился в самую жуткую аномалию на свете.

"Преподобный... вы ведь подле Цзян Фэя. Чего вы на самом деле хотите?"

Фу Сяо молчал.

Линьхуа приуныл, но тут же махнул рукой. В конце концов, заставлять человека делать то, с чем не справился сам Фу Сяо — просто глупо. Бедный Цзян Фэй и так еле выживает в этом аду.

Какая уж у осквернённого коня может быть мораль? Он давным-давно забил на свой великий долг.

Он не стал ничего раскрывать Цзян Фэю. В эти последние дни всё, чего он хотел — показать на личном примере: надо жить в удовольствие, пока живой!

"Ну и молчите, ну и пожалуйста", — подумал Линьхуа, приплясывая свежевыученный па. На его спине с комфортом покоилась мягкая подушка, сшитая Цзян Фэем.

Немного сумасшествия — и жить куда спокойнее.

"Чем заставлять Фэй-Фэя жертвовать собой ради мира, лучше я помогу ему заграбастать вас. Перед смертью надо умыкнуть самый лакомый кусочек!"

"У моего Фэй-Фэя и так судьба горькая, ему нужно полакомиться лучшим".

Фу Сяо даже не удосужился ответить на эту ахию.

Фу Сяо и сам не предполагал, что испытание Паньцзяо окажется скрыто именно здесь.

Хотя если подумать — всё сходилось. Ягнёнок был с ним с самого рождения, и этот путь был им знаком лучше всего.

Извилистая тропа внутри "ягнячьей кишки" оказалась неожиданно проще, чем то, через что ему пришлось пройти на самом деле.

Настоящий Владыка Горы вовсе не отличался мягкостью. Он смотрел на Фу Сяо взглядом голодного чудовища, но по какой-то причине вынужден был сдерживаться.

Внешний мир считал Священную гору Пэнлай обителью благоденствия, и лишь попав внутрь, можно было осознать: здесь сосредоточилась вся скверна этого мира.

В воздухе постоянно витал едва уловимый душок гниющей плоти. Человек, с которым ты общался вчера, наутро мог исчезнуть без следа.

И Фу Сяо прекрасно знал: ни один смертный, решивший бросить затею с культивацией и вернуться домой, так и не покидал этих пределов.

Пэнлай веками "защищала" окрестные острова и прибрежные деревеньки. "Небожители" повелевали ветром и дождём, спасая крестьян от невзгод, и те истово молились на них.

Но лишь выбравшись из людского стада, можно было понять ужасную правду: эти земли были обычным загонем для двуногих баранов. А волшебные формации ставились лишь ради того, чтобы удой и туши в следующем году вышли сочнее.

Только в спокойных условиях вырастает самое нежное мясо.

Чтобы загон не опустел, "святые" даже снизошли до учёта естественного цикла людской жизни, растянув забой на целые десятилетия.

Неудивительно, что Фу Сяо с самых юных лет стремился обрести бессмертие. Этот проклятый, людоедский мир с самого начала преподавал ему единственный урок выживания.

Вот только он был простым человеком.

Ему было больно от собственного бессилия, но в то же время он испытывал странное облегчение: ему хотя бы не грозило стать одним из этих "небожителей".

Крайний Восток дрожал от ужаса, постоянно твердя, что Владыка Горы хочет его сожрать.

Владыка щедро запихивал в него редчайшие пилюли, отчего кожа Крайнего Востока даже

начала излучать духоносное свечение.

Паньцзяо тогда ещё не обладал разумом и представлял собой ходячую сочную тушку, на которую каждый пэнлайский "святой" заглядывался с нескрываемым аппетитом. Под дрожащей опекой Фу Сяо эта откормленная "закуска" махала аж на сто килограммов.

Настоящий гигантский запечённый барашек.

Фу Сяо не уходил вовсе не потому, что всё ещё грезил о небесах. Он просто понимал: без чуда ему отсюда не вырваться.

А потом, прижав к груди Ушу и Паньцзяо, он без оглядки шагнул в Иллюзорное Царство Бессмертной Судьбы.

Ему оставалось лишь поставить всё на карту ради единственного шанса спастись.

<http://bllate.org/book/19820/1992627>